

Для цитирования: Погорельская, Е. Ю. На пути к технизации живого и собственно человеческого: от прагматики к мечте // Е. Ю. Погорельская, Л. С. Чернов // Социум и власть. — 2023. — № 2 (96). — С. 7—15. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-07-15. — DN EJFRXX.

УДК 111.7

EDN EJFRXX

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-07-15

НА ПУТИ К ТЕХНИЗАЦИИ ЖИВОГО И СОБСТВЕННО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО: ОТ ПРАГМАТИКИ К МЕЧТЕ

Погорельская Елена Юрьевна,

Гуманитарный университет,
доцент кафедры социально-культурного
сервиса и туризма,
кандидат философских наук.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0002-9723-465X
E-mail: schreibigus@mail.ru

Чернов Леонид Сергеевич,

Уральский государственный
горный университет,
доцент кафедры философии и культурологии,
кандидат философских наук, доцент.
Екатеринбург, Россия.
ORCID: 0000-0003-2277-2899
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Аннотация

Введение. Универсализм современной техники свидетельствует об определенном режиме ее существования. Он проявляется в том, что нет практически ни одного сегмента современного мира, ни одной сферы культуры, куда бы техника не распространила свое влияние — непосредственное или опосредованное/анонимное. На основе исследования авторы приходят к выводу, что техника одновременно является и традицией, и встроенной в традицию логикой, и реализацией особой бытийной направленности, воплощением особого рода.

Цель. Онтологический подход к технике предполагает, что в существовании техники мы имеем дело с реальностью особого рода. Целью данного исследования является необходимость выявления символических начал технической реальности. Связана ли сущность техники только с ее прагматической функцией или в технике есть особое скрытое основание, которое

выносит технику за рамки традиционного ее использования?

Методы. В работе используется структуралистский метод, позволяющий раскрыть за повседневным пониманием техники структуры, способные порождать смысловые слои. Структуралистский метод дополнен феноменологическим методом, поскольку в выявленных структурах конституируются символические основания технической реальности. Феноменологический метод позволяет выявить «скрытую заботу» человека, целевую причину существования техники.

Научная новизна. В статье раскрывается глубинный смысл целевой причины техники. Техническое направлено на преодоление естественных барьеров, создание искусственных природ со своей особой логикой существования. Материальные свойства вещей допускают проходимость и условность всех качественных препятствий. Количественная однородность, проходимость всех качеств делает условными границы между видами живого. Нет демаркационной линии не только внутри жизни (теория эволюции основана на этом), но и между живым и неживым. Возможно, что нет границы между временным и бессмертным.

Результаты. В бытии техники воплощено желание человечества преодолеть время. Человечество стремится покорить природу, преодолеть все барьеры, которые продолжает ставить природный мир, чтобы в обход естественных закономерностей выйти в царство абсолютной свободы, которое связывает с бессмертием.

Созданные технические вещи сами имеют определенные законы для реализации технической идеи и ограничивающие техническое творчество, но смысл технического созидания в преодолении любых ограничений. Человек — техник, поскольку он самовольный преобразователь мира. В технике есть революционный заряд, меняющий мир под человеческий запрос. В технике воплощена борьба отчаянного существа с неприятием своей судьбы, своей смертной доли.

Выводы. Несмотря на то что наука позиционирует себя как знание рациональное, обоснованное, тем не менее застарелая мечта о преодолении барьера смерти никуда не делась. На современном этапе техника пытается воплотить эту мечту через реализацию безопасности, комфорта, качественного медицинского обслуживания, увеличения продолжительности жизни. Всё техническое в конечном счете сосредоточено вокруг проблемы «жизни и смерти».

Ключевые слова:

онтология техники,
сущность техники,
воля к власти,
бессмертие,
жизнь

Введение

Влияние технического прогресса радикально изменило природный облик мира. Мы не можем представить без присутствия техники ни один производственный процесс, никакую исследовательскую программу, ни одну маркетинговую операцию, даже такие сугубо социальные сферы, как театральное искусство и дошкольное воспитание предполагают технические элементы в организации этой деятельности. Человеческое тело за счет внедрения медицинских и эстетических технологий приобрело тенденцию к киборгизации, личные человеческие отношения встроены в цифровые сети. Вместе с техническими системами люди «перенимают так же и инфраструктуру, и соответствующие методы труда, поскольку — по крайней мере внешне и частично — вместе с техникой должен импортироваться также и ориентированный на технику образ жизни: успешная передача техники связана с соответствующей передачей культуры» [15, с. 84]. Мы можем говорить о «мере технического» в самом человеке. Современные методические пособия по «управлению персоналом» красноречиво свидетельствуют, что технический подход применим и к организации производственной деятельности людей, можно говорить о технике танца и технологии приготовления вина. Что есть техника? Техника, с которой мы имеем дело каждый день, которая опосредует практически каждый шаг человека, техника, которой мы так доверяем и от показателей чего зависят человеческие решения? Современный человек не представляет жизнь без техники, он к ней прагматически и душевно привязан. Что такое есть в технике, что позволяет ее любить, быть привязанным, зависеть, нуждаться в ней?

Хенрих Бек говорит, что «сущность техники является чем-то техническим в том смысле, что лежит в основе всех явлений и предметов, вместе взятых, и потому имманентна им; сущность — именно то, что делает их техническими» [2, с. 172]. По сути здесь ставится вопрос об онтологическом основании технического мира. Что делает предметы и отношения техническими? С чем связано появление технических вещей и отношений в мире? Получается, что вопрос о сущности техники — это не только вопрос «что есть техника», но и вопрос «как возможна техника, на каких основаниях, при каких условиях?» Поэтому свою работу «О сущности техники» М. Хайдеггер начина-

ет провокационным заявлением о том, что сущностью техники не является нечто техническое [18, с. 221], или, повторим высказывание Бека, сущность — именно то, что делает предметы и явления техническими. Тем самым напрямую указывается, что мы не поймем сущность технических предметов и процессов, если разложим их на составляющие — детали машины или алгоритмы технологического процесса. Мы не поймем, что такое техника, являясь продвинутыми пользователями, имеющими возможность решать различные производственные и бытовые вопросы при помощи технических средств. И даже будучи инженерами, то есть по сути творцами технического мира, мы вряд ли попадем в сущностное понимание предметов, которые создали и которыми пользуемся «с закрытыми глазами». Человечество не знает, с чем в лице технического мира оно имеет дело. По этому поводу Ф. Рапп в своей работе «Перспективы философии техники» замечает: «Это неудивительно, ибо во множестве конкретных последствий техника не составляет исключения из того закона истории, что человек в конечном итоге не знает, какие последствия будут иметь его поступки. Ведь ретроспективный взгляд на те оживания, которые современники связывали с прежними техническими новациями (радио, автомобиль, самолет), обнаруживает, что полный объем фактических последствий ими никоим образом не осознавался» [15, с. 88]. Будущее технических нововведений остается туманным. Существо техники отчуждено от человека, оно скрыто, хотя техника рассматривается практически любым человеком как доступная для понимания реальность, повседневная среда. Однако то, что ближе всего, как правило, не замечается, хотя имеет максимальное влияние на мир в целом и каждого человека конкретно. Учитывая фундаментальное влияние технического на развитие человеческой цивилизации, приходится согласиться с Хайдеггером и сказать, что мы не знаем характер технического бытия. Хотя технический мир уверенно настаивает на подлинности своего бытия [14].

Для решения поставленных задач мы будем использовать структуралистский метод, который предполагает выделить в существе техники смысловые слои. Кроме того, мы намерены использовать феноменологический метод, позволяющий внутри каждого слоя выявить эйдетическое ядро или определенную ценность, формирующую социальные и технологические отношения. Техника предстает как целостность, когда конституирует-

ся как предмет человеческого внимания, как предмет исследования.

Техника полезна, рациональна и демонстративна

Потребительская концепция техники предполагает, что технические предметы рассматриваются прежде всего с позиции своей целесообразности, когда берется прагматический аспект, учитывается рентабельность, включенность технической вещи в производственные и товарно-денежные отношения. Кроме того, потребительская концепция техники предполагает, что техника рациональна, она создана под определенную цель, согласно которой будет использоваться, и этому использованию человека можно научить. «Техника в основе своей — результат рационального конструирования и рациональной деятельности, даже если побуждения к этому приходят из иррациональных источников. «Поэтому техника принципиально поддается пониманию и управлению», — считает Алон Хунинг [19, с. 409]. Такковы самые первые доступные впечатления, которые мы имеем от технического мира. Они возникают как результат «психологической редукции», которую можно провести над любой технической вещью, сведя ее до уровня рациональности, функциональности и цены. Если рассматривать техническую вещь в системе вещей, предложенной Ж. Бодрийяром [4], то окажется, что техническая вещь проста и не обладает символической реальностью. Рационально рассматривая любой технический предмет, например холодильник, можно выделить следующие аспекты: во-первых, холодильник обладает свойством полезности, он сохраняет продукты, в этом его сущность; во-вторых, холодильник имеет определенную цену, то есть является товаром, и в этом смысле его сущность эквивалентна сущности любой другой вещи со сходной ценой на рынке; в третьих, современный холодильник является носителем определенной марки, бренда, то есть его сущность проявляется в том, чтобы поддерживать определенную стратификацию в обществе, маркировать покупательную способность своего владельца, демонстрировать финансовые возможности своего хозяина, характеризовать его стиль жизни и во многом его идентичность. Эта классификационная сетка, предложенная Ж. Бодрийяром, определяет сущность технических вещей в потребительском понимании. Однако кроме ценностей функциональности, надежности,

безопасности, роста благосостояния населения и развития личности, которые предполагаются при создании и использовании техники, можно допустить, что существует также символическое прочтение технических вещей, которое на потребительском уровне не прослеживается. Потребительское измерение техники недостаточно для понимания ее сущности.

Техника есть проявление воли к власти

Мировоззренческая позиция, скрытая за утилитарным и рациональным подходом, представленным выше, следующая — человек является хозяином в мире. Мир создан для человека и подчиняется ему. В работе Х. Бека «Сущность техники» мы находим определение такому отношению: «Сущность техники содержится именно во взаимосоотнесенном единстве субъекта и объекта, в котором (единстве) субъект в состоянии пользоваться объектом и объект может быть использован субъектом» [2, с. 186]. Техника представляется специфически человеческим действием, целью которого является проведение собственной воли, активной позиции. Х. Бек говорит, что «человек предстает перед нами «онтологическим местом» техники: техника оказывается чем-то, происходящим в человеке, и ее можно определить, как заложенную в человеке способность изменять природу согласно своим целям» [2, с. 180]. Субъект — активен, внешний мир — пассивен и имеет тенденцию к подчинению. И если бы у природы, у объективного мира не было бы склонности к подчинению, то влияние человека на природу, преобразование природы под воздействием человеческого вмешательства не состоялось бы. Объективный мир создан «под человека» и потому его изменчивость закономерна. Техника демонстрирует в концентрированном виде возможность властного отношения. Близкой позиции придерживается К. Ясперс: «Техника — это совокупность действий знающего человека, направленных на господство над природой; цель их — придать жизни человека такой облик, который позволил бы ему снять с себя бремя нужды и обрести нужную ему форму окружающей среды» [21, с. 120]. В таком случае, техника — это демонстрация человеческого могущества в отношении мира. Всякая техническая вещь — в идеале — укрощенная естественная природа. Марксистская традиция классического и советского периодов разрабатывалась в русле

этих же идей. Например, в работе Г. Н. Волкова «Истоки и горизонты прогресса» техника рассматривается как «овеществленная сила знаний» [7, с. 21], а «главными, определяющими стимулами развития техники являются экономические, производственные потребности общества» [7, с. 22]. Конечно, такая позиция вполне оправдана и отражает многие тенденции в развитии техномира, но если учесть современный уровень технических новаций, можем ли мы сказать, что эта точка зрения является достаточной для понимания глубинных онтологических оснований техники?

Основное свойство, которое требуется от технических вещей и процессов в таком мире — предсказуемость. Власть должна быть проявлена прежде всего в ситуации контроля: человек требует от окружающих его вещей понятности и управляемости. Такое мировоззренческое представление идет от XVII века, от механистического проекта мира, когда техническая модель часов становится основной метафорой понимания природного универсума. Как получилось и что стало основанием такой концепции природы — сложно ответить. М. Фуко в своей работе «Слова и вещи» говорит о смысловой мутации, которая происходит в умах людей, в результате чего возникает новая логика видения привычных событий и фактов, появляются новые интерпретации и смыслы уже имеющихся явлений, открываются новые перспективы во взаимодействии с вещами и между людьми, рождается новая эпоха [17]. Само понятие мутации как случайного скачка, как креативного синтеза событий и смыслов создает отсылку к эвристической силе свободы, существующей в мире и проявленной в любом сущностном присутствии. Образ мутации, введенный М. Фуко, позволяет понять, что не все в мире подчинено контролю и плану, но именно метафора механических часов как образца функционирования Вселенной, демонстрирует, насколько человеческому существу важен контроль и власть над происходящим. Техническая вещь — часы — с XVII века становится символом понимания мира. «Теории естествознания оказывались инструментальными теориями отчасти потому, что они интерпретировали природу по образцу “больших часов”», — отмечает Г. Бёме в работе «Сциентификация техники» [3, с. 112—113]. Возможно, что механистическое мировоззрение и не являлось адекватным пониманием происходящих в природе процессов, но оно отчетливо представляет свод ценностей, которыми был озабочен че-

ловек в XVII веке и которые будут определяющими в отношениях человека и природы последующие четыреста лет. Кроме того, модель часов показывает доверие философов того времени к механическому искусственному объекту. Обращаем внимание, что часы удивительная вещь, поскольку время она не показывает. Если при помощи телескопа, например, Галилео Галилей смог разглядеть спутники у Юпитера и пятна на Солнце, а при помощи оригинально сконструированного микроскопа Антуан ван Левенгук обнаружил микроскопическую вселенную — микроскопических зверьков (одноклеточные организмы), то механические часы физически ход времени показать не могут. При помощи часов возможно сравнить продолжительность событий или их последовательность, но не время событий. Часы есть нечто внешнее по отношению ко времени, как отражение человека в зеркале. Как будто есть внешний индикатор присутствия времени, но сама сущность отражаемого, схватываемого в механизме часов или зеркала не отображается. Часы можно рассматривать в качестве универсального регулятора социальных отношений: первые механические часы появились в XIII веке и были предназначены как раз для оповещения жителей города о начале религиозных служб. Первые астрономические часы были созданы Джовани де Донди в 1364 году, через шестьдесят лет после изобретения анкерного механизма. Они показывали время, а также отображали движение Солнца, Луны и планет, так же по ним можно было определить дни религиозных праздников [8, с. 387]. Первые часы отражали движение небесных сфер астрономии Клавдия Птолемея. То, что часы могут регулировать социальные процессы, связывая их с движением небесных сфер, что давало модель единого непротиворечивого упорядоченного космоса. Но к самому времени, к его природе, часы не имели отношения. Часы — это не просто машина, это автомат, который нужно один раз завести, а потом они идут сами. Впоследствии, в классической механике Ньютона, абсолютное время, имеющее направленность в будущее, является субстанцией, самодостаточной сущностью, на которую не влияют никакие природные события и процессы, но абсолютное время — чистая длительность, и часами она не улавливается. Механические часы, их измерительная работа, имели отношение к понятию относительного времени, то есть ко времени, которое может иметь социальную корреляцию, может включать конвенциональный элемент. Часы дают

модель контроля человека над миром природы и регулятивный принцип упорядочивания социальных отношений. Осознание, что время вплетено в ткань природных объектов пришло с развитием термодинамики, когда была обнаружена принципиальная направленность и необратимость тепловых процессов. Одним из следствий второго начала термодинамики является указание на то, что тепло передается только от теплого тела к холодному.

Необратимость времени человек ощущал на себе давно: понимание смертности живого, конечности человеческого существования не связывалось напрямую с решением вопроса о сущности времени. Однако после утверждения понимания, что знание — это сила, которая может раздвинуть горизонты наших возможностей, вопрос об ограниченности человеческой жизни переходит из разряда сугубо религиозных и мифологических в разряд научно-технических и инженерных вопросов.

Техника стирает границы между мирами

Для античности граница между живыми и неживыми сущностями была принципиальной. В работе Аристотеля «О душе» говорится о том, что живое тело отличается от неживого по наличию в теле души [1]. И растения, и животные, и люди, и Бог являются живыми существами, потому что одушевлены. Причем душа, по Аристотелю, энтелехия живого тела, то есть целевая причина, которая реализует основное развитие сущности, живую логику сущности. Из куриного яйца с необходимостью появится цыпленок, а не крокодил и не черепаха. Цыпленок в течение своей жизни будет осуществлять свою «куриную душу», становясь курицей или петухом. У цыпленка нет никакой возможности стать на протяжении жизни крокодилом или зачать крокодила — все, что он делает в своей жизни, направлено видом его души. Цыпленок, будучи собой, стремится в течение жизни стать «наиболее полной версией себя». Человек, рождаясь уже человеком, тем не менее всю жизнь реализует свою человеческую сущность, которую ему задает его специфическая человеческая душа. Это душа мыслящего существа, позволяющая человеку быть впоследствии бессмертным. Античная онтология предполагает иерархию. Есть принципиальная разница в статусе существования между живым и неживым, это определяется наличием или отсутствием у сущности души. Разные виды души наделяют

живое существо разными способностями и потому в мире есть растения, животные и человек, чьи души отличаются. Так выстраивается иерархия живых существ: растений, животных, людей, Бога. Хотя Декарт выносит человеческую душу в особый регион бытия, но душа у него имеет отношение только к мышлению, а никак не к жизни. Живое у Декарта не определяется наличием души [10]. Напротив, у Аристотеля, душа отвечает за возможность быть живым, она задает определенный онтологический статус. У Декарта и после него, живое — это особое состояние материи, которое отличается от неживого в сложности и своеобразии законов, но это отличие не выносит жизнь в иной ранг бытия. Живое сродни неживому.

В техническую онтологию встроена идея, что барьеры, существующие между вещами, на самом деле преодолеваются.

Клеточная теория, предложенная Т. Шванном и М. Шлейденем в 1837—1839 годах, устраняла барьер между растительной клеткой и животной клеткой и бактерией. Клетки всего живого сопоставимы. Эволюционная теория Дарвина устраняла барьер между видами, сводя все многообразие жизни на Земле к единому генетическому источнику, к первой живой протоклетке. Всякий живой вид, по мнению эволюционистов, временное образование, на его место придет другой вид: внутри полового процесса всегда есть ошибки в копировании исходного материала, к тому же различаются и внешние условия жизни популяций, поэтому с необходимостью будут происходить трансформации в живой материи. Виды непостоянны, границы между видами условны. Преодоление барьера между живым и неживым предполагается в теориях А. Опарина и Дж. Холдейна, которые считали, что живое возникло в результате химической эволюции неживой материи. Именно их идеи вдохновили в 1952 году Стенли Миллера на создание лабораторного эксперимента, в результате которого он из простых химических веществ, таких как вода, аммиак, кислород и «искра» (электрические разряды) получил аминокислоты, которые, как сейчас известно, являются структурными компонентами белков. А без белков жизни нет. И хотя Стенли Миллер не создал технически жизнь, но сама направленность его экспериментов показывала, в каком направлении будет работать биоинженерия: биоинженерия будет работать в направлении поиска химических основ жизни. Здесь есть определенный редукционизм — стремление за сложным найти простое, свести многообразие живой материи к неким органическим основам,

к химическому уровню живого. В этом техническом подходе видна девальвация идеи целого, идеи того, что целое больше совокупности включенных в него элементов. Техническое мышление всегда стремится найти формулу, структуру, связь, которая на самом первичном уровне даст ключ к пониманию всех возможных состояний развития предмета. Например, русский философ Валериан Муравьев в работе «Всеобщая производительная математика» пишет: «Математическая теория раскрывает числа в их сущностной природе и отношениях, прикладная математика находит числа существующих вещей, в виде формул реальных отношений мира. Техника применяет это значение к материальным условиям и дает возможность человеку действительно преобразовать природу» [13, с. 175]. Как будто на самом деле есть универсальный способ управления Вселенной: «Дерни за веревочку, дитя мое, дверь-то и откроется». Открытие в 1953 году Д. Уотсоном и Ф. Криком структуры молекулы ДНК также свидетельствует о том, что биотехнологи усиленно ищут кирпичи, из которых составлена живая материя, а также биологический «пульт управления» процессами жизни. Генная инженерия реализует идею, что на основе знания природных закономерностей возможно создавать вещи с заданными свойствами, то есть создавать из природных кирпичей новые сущности, которые имеют не естественное происхождение, а техническое. В этой связи М. В. Ковальчук отмечает, что «главной отличительной чертой таких технологий должна быть их максимальная близость к естественным, природным процессам, способность включаться в их единство и взаимосвязи. Окружающий нас мир конвергентен по своей сути, природа — это органическое единство всех компонентов. Долгое время, развивая науки и технологии, человечество копировало живые системы, их принципы, механизмы в виде простых отдельных систем. На определенном этапе мы научились создавать органические материалы, не существующие в природе, но близкими ей по свойствам. Сегодня развитие науки достигло такого уровня, когда путем конвергенции наук и технологий стало возможным не просто моделировать, а конструировать, созидать природоподобные системы» [11, с. 7]. Н. В. Бряник доказывает, что «принцип относительности, который отличает неклассическую биологическую науку, заключается в относительности живого и косного вещества, их взаимозависимости и взаимопереходов» [5, с. 199], делая вывод, что эволюционные процессы являются разновидностью

самоорганизации в природе [6]. Использование живой ткани для создания полуживых скульптур проявлено и в современном искусстве. «Полуживые существа» целиком зависят от человека, поскольку выжить они могут только в среде искусственного обеспечения. Например, И. Цурр, рассматривая техническую возможность создания полуживых существ, считает, что «это диалог с природой, который невозможно было бы построить, действуя исключительно по законам эволюции. Он корректирует наше понимание живого/неживого и позволяет продлить жизнь частям тела даже после смерти сложного организма» [19, с. 157].

Заключение

Если граница между живым и неживым проходима, то, возможно, что проходима граница между смертным и бессмертным. В философском осмыслении техники появляется еще одна экзотическая идея: человек создан Богом как особое существо, которое может возвыситься над слепыми силами природы и превратить их в живоносную силу, способствующую воскрешению прошлых поколений. Тем самым вопрос о воскрешении и бессмертии переносится из области исключительно веры в область практического технического действия. «Поскольку Всевышний создал нас как потенциально неограниченных существ, значит, однажды все человечество должно будет отодвинуть свои “границы” невообразимо далеко — это и будет проявлением и доказательством самой истинной веры» [15, с. 69].

«Но где опасность, там вырастает и спасительное», — цитирует М. Хайдеггер Гёльдерлина [17]. Возможно, что воля к власти, проявленная в технике, является агрессивным фасадом задвинутой в бессознательное, хрупкой мечты — обретение человеком личного бессмертия. Борис Гройс замечает: «Как можно быть бессмертным в отсутствие онтологической гарантии бессмертия? Самый простой расхожий ответ предлагает нам всем попросту махнуть рукой на поиски бессмертия, довольствоваться конечностью нашего существования и принять нашу смертность» [9, с. 11]. Заметим, что наряду с общечеловеческим опытом смерти есть еще и давняя застарелая надежда на то, что смерть может быть побеждена. Николай Федоров первым решается «посмотреть в глаза» этой давней мечте, следующим радикальным мечтателем становится Валериан Муравьев. «Человек должен стать не только homo sapiens, но настоящим властителем

природы, homo creator-ом. Это ставит вопрос о биологическом совершенствовании человека и о физическом перевоплощении его в более могущественное и устойчивое в смысле жизненности существо. Это вызывает потребность в особом искусстве, — связанном с усовершенствованной антропологией, — в антропотехнике или даже в антропоургии» [13, с. 187], — читаем мы в его работе. Главное, что следует завоевать человеку — это время. Преодоление времени — главная техническая задача. В работе 1923 года, столетие назад, В. Муравьев пишет: «Ведь, чтобы доказать, что время вообще обратимо, я вовсе не должен доказывать, что все время обратимо. Достаточно доказать возможность повторения хотя бы небольшой его части, чтобы сказать, что принципиальная возможность воскрешения есть» [13, с. 193]. Знание, как самовозрастающая сила, оставляет надежду бренному человечеству, отсрочить смертный час и дать реализоваться всему тому, что задумано, что замышлялось, потенциал чего не успел за недолгую жизнь реализоваться. В каждом научном проекте, в каждом эксперименте, в каждой научной утопии есть эта бессознательная надежда на радикальное воплощение.

Техника — это человеческий выбор, еще один выбор в глобальном историческом пути. Бытие техники созвучно бытию человека. Абсурдно обвинять технику в ее неэтичности или индифферентности проблеме добра и зла, человек сам условно этичен, и все, что он создает, так или иначе, наследует эти сугубо человеческие особенности. Кроме выявленного М. Хайдеггером «поставы», существо техники наполнено смыслами возрождения и воскрешения.

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. — Т. 1. — М.: Мысль, 1975. — 550 с.

2. Бек, Х. Сущность техники / Х. Бек / Философия техники в ФРГ. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.

3. Бёме, Г. Сциентификация техники / Г. Бёме, В. Даале, В. Крон / Философия техники в ФРГ. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.

4. Бодрийяр, Ж. К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр. — М.: Академический проект, 2007. — 335 с.

5. Бряник, Н. В. От классики к постнеклассике: этапы развития науки современного типа / Н. В. Бряник. — М.: Академический проект, 2021. — 373 с.

6. Бряник, Н. В. Сравнительный анализ принципа эволюции классической и неклассической науки / Н. В. Бряник // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2021. — № 4. — С. 10—17. DOI: 10.25198/2077-7175-2021-4-10.

7. Волков, Г. Н. Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники / Г. Н. Волков. — М.: Издательство политической литературы, 1976. — 335 с.

8. Вуттон, Д. Изобретение науки: Новая история научной революции / Д. Вуттон. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. — 676 с.

9. Гройс, Б. Е. Русский космизм: антология / Б. Е. Гройс; оформ. Н. Мусаева, С. Вишняков. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 336 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=594213> (дата обращения: 02.02.2023).

10. Декарт, Р. Страсти души // Р. Декарт. Сочинения : в 2 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1989. — 654 с.

11. Ковальчук, М. В. Конвергенция наук и технологий — новый этап научно-технического развития / М. В. Ковальчук, О. С. Нарайкин, Е. Б. Яцишина // Вопросы философии. — 2013. — № 3. — С. 3—11.

12. Латур, Б. Политики природы. Как при- вить наукам демократию. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. — 336 с.

13. Муравьев, В. Всеобщая производительная математика / В. Муравьев // Б. Е. Гройс. Русский космизм : антология / оформ. Н. Мусаева, С. Вишняков. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 336 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=594213> (дата обращения: 02.02.2023).

14. Погорельская, Е. Ю. Техника на пути к собственной свободе / Е. Ю. Погорельская // Социум и власть. — 2018. — № 6 (74). — С. 7—15.

15. Рапп, Ф. Перспективы философии техники / Философия техники в ФРГ. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.

16. Софронов, В. Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма» / В. Софронов. — М.: V-A-C Press, 2022. — 384 с.

17. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб.: A-cad, 1994. — 406 с.

18. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1993. — 447 с.

19. Хунинг, А. Инженерная деятельность с точки зрения этической и социальной ответственности / А. Хунинг / Философия техники в ФРГ. — М.: Прогресс, 1989. — 528 с.

20. Цурр, И. Усложнённые понятия о жизни: «Полуживые существа» / И. Цурр // Логос. — 2006. — № 4 (55). — С. 148—157.

21. Ясперс, К. Современная техника / К. Ясперс / Новая технократическая волна на западе. — М. : Прогресс, 1986. — 452 с.

References

1. Aristotel' (1975) Sochinenija v chetyreh tomah [Essays in four volumes]. T.1. Moscow, Mysl', 550 p. [in Rus].
2. Bek H. (1989) Sushhnost' tehniki [The essence of technology]. *Filosofija tehniki v FRG*. Moscow, Progress, 528 p. [in Rus].
3. Bjome G., Daale V., Kron V. (1989) Scientificacija tehniki [Identification of equipment]. *Filosofija tehniki v FRG*. Moscow, Progress, 528 p. [in Rus].
4. Bodrijar Zh. (2007) K kritike politicheskoj jekonomii znaka [To the criticism of the political economy of the sign]. Moscow, Akademicheskij proekt, 335 p. [in Rus].
5. Brjanik N.V. (2021) Ot klassiki k post-neklassike: jetapy razvitija nauki sovremennogo tipa [From classics to post-non-classics: stages of development of modern science]. Moscow, Akademicheskij proekt, 373 p. [in Rus].
6. Brjanik N. V. (2021) Sravnitel'nyj analiz principa jevoljucii klassicheskoj i neklassicheskoj nauki [Comparative analysis of the principle of evolution of classical and non-classical science]. *Intellekt. Innovacii. Investicii*, no. 4, pp. 10-17. DOI: 10.25198/2077-7175- 2021-4-10 [in Rus].
7. Volkov G.N. (1976) Istoki i gorizonty progressa. Sociologicheskie problemy razvitija nauki i tehniki [Origins and horizons of progress. Sociological problems of the development of science and technology]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 335 p. [in Rus].
8. Vutton D. (2018) Izobretenie nauki: Novaja istorija nauchnoj revoljucii [The Invention of Science: A New History of the Scientific Revolution]. Moscow, KoLibri, Azbuka-Attikus, 676 p. [in Rus].
9. Grojs, B. E. (2015) Russkij kosmizm: antologija : [Russian cosmism: anthology] [16+] / B. E. Grojs ; oform. N. Musaeva, S. Vishnjakov. Moscow, Ad Marginem Press, 336 p. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=594213> (accessed 02.02.2023) [in Rus].
10. Dekart R. (1989) Strasti dushi [Passions of the soul]/ *Dekart R. Sochinenija v 2-h t.T.1*. Moscow, Mysl', 654 p. [in Rus].
11. Koval'chuk M.V., Narajkin O.S., Jacishina E.B. (2013) Konvergencija nauk i tehnologij — novyj jetap nauchno-tehnicheskogo razvitija [Convergence of sciences and technologies is a new stage of scientific and technological development]. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 3-11 [in Rus].
12. Latur B. (2018) Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiju [Politics of nature. How to instill democracy in the sciences]. Moscow, Ad Marginem Press, 336 p. [in Rus].
13. Murav'ev V. (2015) Vseobshhaja proizvoditel'naja matematika [Universal Productive Mathematics] / Grojs, B. E. Russkij kosmizm: antologija : [16+] / B. E. Grojs ; oform. N. Musaeva, S. Vishnjakov. Moscow, Ad Marginem Press, 336 p. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=594213> (accessed 02.02.2023) [in Rus].
14. Pogorel'skaja E. Ju. (2018) Tehnika na puti k sobstvennoj svobode [Technology on the way to your own freedom]. *Socium i vlast'*, no. 6 (74), pp. 7-15 [in Rus].
15. Rapp F. (1989) Perspektivy filosofii tehniki. [Perspectives of the philosophy of technology]. *Filosofija tehniki v FRG*. Moscow, Progress, 528 p. [in Rus].
16. Sofronov V. (2022) Polozhenie mertvyh. Revizionistskaja istorija «russkogo kosmizma» [The position of the dead. Revisionist history of "Russian cosmism"]. Moscow, V-A-C Press, 384 p. [in Rus].
17. Fuko M. (1994) Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [Words and things. Archaeology of the Humanities]. Saint Petersburg, A-cad, 406 p. [in Rus].
18. Hajdegger M. (1993) Vremja i bytie: stat'i i vystuplenija [Time and Being: articles and speeches]. Moscow, Respublika, 447 p. [in Rus].
19. Huning A. (1989) Inzhenernaja dejatel'nost' s točki zrenija jeticheskoi i social'noj otvetstvennosti [Engineering activity from the point of view of ethical and social responsibility]. *Filosofija tehniki v FRG*. Moscow, Progress, 528 p. [in Rus].
20. Curr I. (2006) Uslozhnjonnnye ponjatija o zhizni: «Poluzhivye sushhestva» [Complicated concepts of life: "Half-dead creatures"]. *Logos*, no. 4 (55), pp. 148-157 [in Rus].
21. Jaspers K. (1986) Sovremennaja tehnika [Modern technology]. *Novaja tehnikratscheskaja volna na zapade*. Moscow, Progress, 452 p. [in Rus].

Статья поступила в редакцию 15.02.2023

For citing: Pogorelskaya, E. Yu.

On the way to technicalizing the living and the human proper: from pragmatics to a dream / E. Yu. Pogorelskaya, L. S. Chernov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2023. — № 2 (96). — P. 7—15. — DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-07-15. — EDN EJFRXX.

UDC 111.7

EDN EJFRXX

DOI 10.22394/1996-0522-2023-2-07-15

ON THE WAY TO TECHNICALIZING THE LIVING AND THE HUMAN PROPER: FROM PRAGMATICS TO A DREAM

Elena Yu. Pogorelskaya,

Humanitarian University,
Associate Professor of the Department
of Socio-Cultural Service and Tourism,
Cand. Sc. (Philosophy),
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0002-9723-465X
E-mail: schreibbigus@mail.ru

Leonid S. Chernov,

Ural State Mining University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Yekaterinburg, Russia.
ORCID: 0000-0003-2277-2899
E-mail: leon-chernov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The universality of modern technology testifies to a certain mode of its existence. It manifests itself in the fact that there is practically not a single segment of the modern world, not a single sphere of culture where technology has not spread its influence - direct or indirect / anonymous. On the basis of the study, the authors come to the conclusion that technology is both a tradition and a logic built into the tradition, and the realization of a special existential orientation, an embodiment of a special kind.

The purpose of the study is to reveal whether its essence is connected only with the pragmatic function of technology, or whether there is a special symbolic beginning in technology, which takes technology beyond the scope of rational use.

Methods. The authors apply the structuralist method that makes it possible to reveal structures behind the everyday understanding of technology that can generate semantic layers. The structuralist method is complemented by the phenomenological method, since the identified structures constitute the symbolic foundations of technical reality. The phenomenological method makes it possible to reveal the “hidden care” of a person, the target reason for the existence of technology.

Scientific novelty of the research. The article reveals the deep meaning of the target cause of the technique. The technical is aimed at overcoming natural barriers, creating artificial natures, with its own special logic of existence. The material properties of things allow the permeability and conditionality of all qualitative obstacles. Quantitative homogeneity, the permeability of all qualities makes the boundaries between the types of living things conditional. There is no line of demarcation not only within life (the theory of evolution is based on this), but also between the living and the non-living. It is possible that there is no boundary between the temporal and the immortal.

Results. The desire of mankind to overcome time is embodied in the being of technology. Mankind strives to conquer nature, to overcome all the barriers that the natural world continues to put up, in order to bypass natural laws to enter the realm of absolute freedom, which connects with immortality. The created technical things themselves have certain laws for implementing a technical idea and limit technical creativity, but the meaning of technical creation is to overcome any restrictions. Man is a technician, because he is the self-willed transformer of the world. There is a revolutionary charge in technology that changes the world to human request. The technique embodies the struggle of a desperate being with the rejection of his fate, his mortal fate.

Conclusions. Despite the fact that science positions itself as rational, sober knowledge, nevertheless, the old dream of overcoming the barrier of death has not gone away. At the present stage, technology is trying to realize this dream through implementing safety, comfort, quality medical care, and an increase in life expectancy. Everything technical is centered on the problem of “life and death”.

Keywords:

ontology of technology,
essence of technology,
will to power,
immortality,
life